

Интрига в Рахманиновском зале

Концерт в Рахманиновском зале, собравший большую заинтригованную аудиторию, действительно таил в себе много неожиданностей.

Неожиданность первая: романсы Чайковского и Рахманинова исполнял не оперный и не филармонический певец, а премьер московской оперетты, роскошный Мистер Икс, легкомысленный Граф Данило, Неистовый Гасконец — иначе говоря, народный артист России Герард Васильев. Оказывается, ничто камерное не чуждо и опереточным героям, и они с удовольствием вторгаются в сопредельные сферы. А почему бы нет, если есть большой красивый голос, если накоплен богатый вокальный и сценический опыт? Ведь поют же артисты оперы арии из оперетт!

Неожиданность вторая — участие еще одного Васильева, Анатолия, брата Герарда и тоже баритона. Это первый опыт совместного выступления братьев, хотя оба учились в Ленинградской консерватории. Но потом их творческие пути разошлись: Герард стал артистом оперетты сначала в Новосибирске, потом в Москве, а Анатолий, проработав много лет солистом Рижской оперы, вернулся в Петербургскую камерную филармонию. Общая любовь братьев к музыке Чайковского и Рахманинова свела их в одном концерте к удовольствию публики.

И, наконец, самая очаровательная неожиданность — выступление японской певицы Юко Ёситаке, выпускницы Токийской и Венской консерваторий, обладательницы многих международных наград. Ее хрустально-прозрачный голос словно создан для рахманиновской "Сирени". Он нежен, как краски на японских гравюрах, и наполнен славянской теплотой, позволяющей Юко-сан исполнять "Полюбила я на печаль свою" с такой пронзительно-русской достоверностью, как будто родилась она не на Японских островах, а где-нибудь в рязанской глубинке.

В первом отделении великолепная тройка певцов поочередно уступала сцену друг другу. А во втором, изящно выстроенном с неким подобием сквозного действия, братья-баритоны очаровывали трепетное сопрано с помощью Чайковского и Рахманинова, рвали в клочья страсти. "Люблю тебя!" — взывал один, "О нет, молю, не уходи!" — стонал другой. А она в

ответ, скромно потупившись: "Я тебе ничего не скажу".

Два с лишним десятка романсов — это ответственное испытание на пианистическую зрелость, потому что фортепианное сопровождение у Чайковского и Рахманинова не просто аккомпанемент, а равноценная партия, требующая и звуковой изысканности, и масштабности оркестровых "тутти", и виртуозного пианизма. Все это предъявила публике с щедростью одаренной натуры четвертая участница концерта пианистка Александр Куксо. И если ее игра обретет еще и большую нюансовую гибкость, то ее смело можно будет причислить к элите камерных ансамблистов.

Кстати, этой же гибкости можно пожелать и Герарду Васильеву, особенно в таких тонких музыкальных акварелях, как "Средь шумного бала" Чайковского и "Сон" Рахманинова. Если умерить свой темперамент и сменить сочное форте на подернутое флером таинственности пианиссимо, эти романсы только выиграют.

В зале среди публики были замечены блистательная Татьяна Шмыга, многолетняя партнерша Герарда Васильева, и еще один Васильев, Николай — на сей раз тенор и не брат, а просто однофамилец, известный солист Большого театра, ныне кончающий по оперным сценам мира Кавардосси и Отелло. Они аплодировали от души и даже выкрикивали "браво", демонстрируя тем самым реакцию, адекватную (по современной терминологии) творческим усилиям исполнителей.

Евгений ЭПШТЕЙН.